

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ XVIII АПРЕЛЬСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НИУ ВШЭ)

Уважаемые читатели, предлагаем вашему вниманию сокращенную версию докладов, прозвучавших на сессии проходившей в рамках XVIII Апрельской международной конференции НИУ ВШЭ 13 апреля 2017 г.

Открыл обсуждение председатель сессии **Цыганков Даниил Борисович** (кандидат социологических наук, директор Центра оценки регулирующего воздействия, НИУ ВШЭ). В своем вступительном слове «МЕХАНИЗМЫ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗЕРКАЛЕ АПРЕЛЬСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ В НИУ ВШЭ» Даниил Борисович отметил, что сессии по ОРВ проводятся в рамках Апрельских конференций НИУ ВШЭ, начиная с 2011 г., уже в шестой раз¹. В определенном смысле эти сессии в режиме «реального времени» отражали активную фазу формирования института ОРВ в России, начавшуюся в мае 2010 г. (после почти десяти лет экспертных разработок и преодоления аппаратного сопротивления запуску ОРВ).

Такой «поздний старт» обусловил специфику научной и академической рефлексии в 2011–2013 гг.: наряду с первыми отчетами с полей внедрения ОРВ в России значительное внимание регулярно уделялось международному опыту, в том числе опыту стран СНГ, где эти механизмы начали внедряться раньше, чем в нашей стране (см. табл. 1).

¹ Сессия Е-04 «Оценка регулирующего воздействия» на XII Апрельской конференции (2011), сессия Т-12 «Оценка регулирующего воздействия» на XIII Апрельской конференции (2012), сессия М-11 «Оценка регулирующего воздействия» на XIV Апрельской конференции (2013), сессия О-07 «Развитие института оценки регулирующего воздействия» на XV Апрельской конференции (2014), сессия О-10 «ОРВ в России: на пути к зрелости» на XVII Апрельской конференции (2016), сессия О-11/2 «Оценка регулирующего воздействия в России: стратегия на 2018–2024 гг.» на XVIII Апрельской конференции (2017).

Таблица 1

**Тематика сессий по ОРВ
на Апрельских конференциях в НИУ ВШЭ**

Тематика/ год	2011	2012	2013	2014	2016	2017	Всего
Международный опыт	1	1	1	–	1	–	4
Практика ОРВ в России (федеральный уровень)	1	1	–	1	–	1	4
Практика ОРВ в России (региональный и муниципальный уровень)	1	–	1	2	1	2	7
Новые инструменты ОРВ в российской практике	–	–	–	–	2	2	4
Перспективы развития регуляторики	–	1	–	1	–	1	3

Но уже с 2014 г. интерес эпохи меняется: стремительное расширение ОРВ на различные уровни публичного управления (от наднационального до муниципального), внедрение почти всех инструментов «умного регулирования» из портфолио ОЭСР (от модели стандартных издержек и подхода *one in – one out* до ретроспективной оценки и теста МСП) позволили постоянным участникам ежегодных сессий сфокусировать свое внимание на процессе укоренения ОРВ (как ядра регуляторной политики) в отечественной политико-управленческой практике.

Статистика авторства докладов также отражает фактически сложившиеся за эти годы российские «центры компетенции» в области ОРВ. Наряду с Минэкономразвития России (3 доклада) в качестве уполномоченного органа, это Высшая школа экономики и Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства (по 7 докладов), Воронежский государственный университет (4 доклада), Новосибирский государственный университет и Институт оценки программ и политик (по 2 доклада).

Отмечу, что обсуждавшийся материал нашел свое отражение не только в многочисленных публикациях, в том числе в журнале «Вопросы государственного и муниципального управления. Public Administration Issues»². Важно, что подраздел по регуляторике будет включен в «Стратегию развития страны на 2018–2024 гг.», работа над которой в настоящее время завершает Центр стратегических разработок по поручению Президента В.В. Путина. В этом подразделе в целях формулирования более про-

² См., например: Шестоперов О.М., Рукавишникова Т.Л. Стабилизация регуляторной нагрузки: трудности реализации принципа «один за один» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 69–90; Голодникова А.Е., Цыганков Д.Б. «Таргетирование» оценки регулирующего воздействия: международные подходы и российская практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 4. С. 7–40; Шестоперов О.М., Смирнов С.В. О ходе внедрения оценки регулирующего воздействия в субъектах РФ: некоторые итоги мониторинга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 71–90; Карпова П.В., Цыганков Д.Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 5–34; и т.д.

работанных и взвешенных предложений учитывается не только обратная связь от бизнес-сообщества, но и разработки экспертов из консалтинга и вузов (большинство из которых и были участниками сессий, проходивших в рамках Апрельских конференций в ВШЭ с 2011 г.).

Таким образом, можно предположить, что в следующие годы на Апрельских конференциях сессии по ОРВ будут трансформированы, чтобы отражать тематику регуляторной политики в целом, а реформы политического цикла 2018–2024 гг. дадут новый интересный материал для академического осмысления.

Смирнов Николай Валериевич (кандидат экономических наук, заместитель генерального директора АНО «НИСИПП») выступил с докладом «ПОТЕНЦИАЛ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ». Он отметил, что традиционно с 2010 г. основным предметом процедуры оценки регулирующего воздействия (ОРВ) и впоследствии разработанной процедуры оценки фактического воздействия (ОФВ)³ в России являются положения, вводящие избыточные обязанности, запреты и ограничения для бизнеса и способствующие возникновению необоснованных расходов со стороны бизнеса и бюджета. Новеллой 2015 г. стало введение преимуществ для бизнеса и обособление стандартных издержек. С 2016 г. в предмет ОРВ включено влияние социально-экономических последствий реализации проекта акта на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства. Также предполагается определение рисков решения проблемы и возникновения разнообразных негативных последствий. Как известно, мировой опыт включает также анализ конкурентных, социальных, экологических, гендерных, технологических и иных последствий.

Таким образом, институт ОРВ в России и в мире выполняет преимущественно роль фильтра на пути нормотворческого потока. В результате качество нормотворчества определяется в зависимости от параметров данного потока и настроек фильтра. Определение направления движения нормотворческого потока и контроль его соответствия выбранному направлению (стратегическим целям) остаются, как правило, за рамками методологии ОРВ, которая предполагает анализ целей регулирования с точки зрения их соответствия решению определенных проблем и связанных с ними негативных последствий. То есть регулирование возникает как реакция государства на выявленные несовершенства рыночного механизма, а ОРВ – как средство обеспечения рациональности этой реакции.

Будучи обусловленным внешними обстоятельствами (выявленными проблемами), такое регулирование носит реактивный характер.

³ В структуре Правительства Российской Федерации действует процедура оценки регулирующего воздействия (ОРВ) в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. N 1318 (далее – Постановление N 1318), а также процедура оценки фактического воздействия (ОФВ) в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2015 г. N 83 (далее – Постановление N 83). В рамках доклада совокупность обеих процедур будет именоваться «ОРВ» в широком смысле слова, если не указано иного.

Вместе с тем регулирование может иметь не только реактивный, но и проактивный характер. Проактивным является регулирование, служащее средством достижения стратегических целей.

На национальном уровне стратегические цели так или иначе связаны с обеспечением экономического развития и безопасности, включая повышение конкурентоспособности, усиление роли в системе мирового хозяйства и реализацию национальных экономических интересов. В связи с этим роль ОРВ может быть существенно расширена.

С научной точки зрения представляется интересным определение институционального соотношения ОРВ и стратегического планирования. В широком смысле потенциал ОРВ в контексте стратегического планирования допускает достаточно широкий спектр вариантов по следующим направлениям:

- взаимное встраивание,
- рассмотрение в качестве альтернатив,
- независимое применение (текущий вариант).

Стратегическое планирование определено российским законодательством как деятельность участников стратегического планирования по: целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, – направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации⁴.

Встраивание элементов ОРВ в стратегическое планирование возможно в рамках каждого из указанных составляющих его видов деятельности. На этапе целеполагания ОРВ может выступать в качестве индикатора для определения приоритетов совершенствования регулирования и постановки целей регуляторной политики. Использование при этом количественных методов оценки, таких как модель стандартных издержек (SCM), оценка рисков и иных, может позволить определять количественные индикаторы указанных целей. Как известно, соответствующие цели периодически ставятся в рамках программ по сокращению административных барьеров в ряде стран (сокращение обычно измеряется в размере 20–25% за 2–4 года). В России в течение 2000-х гг. соответствующая цель ставилась неоднократно, в том числе как сокращение доли административных издержек в обороте субъектов предпринимательства до 3–5% в рамках программных документов административной реформы и поддержки малого предпринимательства. Подобная оценка содержалась и в Плане мероприятий («дорожной карте») «Повышение качества регуляторной среды для бизнеса», предполагавшем сокращение к 2018 г. объема административных издержек предпринимателей, связанных с предостав-

⁴ Статья 3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

лением отчетности и информации в органы публичной власти, на 20%⁵. Однако, поскольку указанные цели определялись на основе экспертных оценок, а не специализированных расчетов, и носили абстрактный характер безотносительно конкретных норм регулирования, их достижение носило стохастический характер. То же касается всевозможных политических заявлений, не нашедших подкрепления в виде детальных количественных расчетов⁶.

Обобщенные результаты ОРВ могут использоваться в качестве инструмента прогнозирования. А упомянутые стандартные издержки – в качестве одного из опережающих индикаторов. Если макроэкономические эффекты от отдельных проектов регулирования могут быть незначительными, то по совокупности введенного регулирования вполне могут быть построены прогнозы о его влиянии на ВВП, инфляцию, занятость, доходы населения и прочие показатели.

Вопрос о необходимости проведения ОРВ в отношении программно-плановых документов является традиционно дискуссионным. Актуальная позиция на федеральном уровне заключается в том, что ОРВ предназначена для проектов нормативных правовых актов, а программы и планы в целях повышения их качества могут являться объектом иных специализированных экспертиз. Вместе с тем развитие ОРВ на уровне субъектов Российской Федерации свидетельствует о том, что данная процедура на практике применима и к документам концептуального или программно-планового характера.

Более того, одним из ключевых принципов ОРВ является ее проведение на как можно более ранней стадии нормотворчества, так как последствия принятия ошибочного решения в начале данного процесса уже не могут быть устранены в ходе дальнейшего анализа. С момента принятия в конце 2012 г. новых правил проведения ОРВ, утвержденных Постановлением N 1318, по настоящее время под «ранней стадией» условно понимается размещение уведомления о разработке проекта акта. При этом фактически решение о регулировании на этой стадии может быть уже принято и зафиксировано в поручениях или программно-плановых документах, более того, к этому моменту уже может быть готов сам проект нормативно-правового акта. Однако изначальная идея как раз и заключалась в том, чтобы регуляторные решения рождались в результате рационального выбора из альтернатив, анализируемых в рамках ОРВ.

Таким образом, разработка программно-плановых документов в части институциональных преобразований⁷ нуждается в ОРВ «на самой ранней стадии» с целью выбора наиболее эффективных регуляторных или иных вариантов достижения стратегических целей.

⁵ Указанный план был утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 июня 2013 г. N 953-р, ныне утратившим силу.

⁶ Например: «Президент вновь заявил, что хочет сократить госрегулирование в сфере бизнеса на 75 процентов с целью как можно больше упростить открытие бизнеса в США» – статья «Трамп подписал указ о сокращении федерального регулирования в сфере бизнеса» от 30.01.2017 (<http://www.golos-ameriki.ru/a/reuters-usa-trump-regulations-1st-update/3698564.html>).

⁷ Тамбовцев В.Л. Программы развития: к методологии разработки // Стратегии социально-экономического развития России: влияние кризиса. В 2 ч. Ч. 1. Коллектив авторов. – М.: Экон-Информ, 2009.

Стратегия в теории, в отличие от программно-плановых документов, представляет собой модель (совокупность формальных и неформальных институтов) достижения стратегических целей. Если конституция содержит описание базовых институтов функционирования общества в текущий период времени, то стратегия – это конституция развития, она должна содержать описание институтов, обеспечивающих переход к новому целевому состоянию. Выбор таких институтов, т.е. сути стратегии, также может подлежать ОРВ.

В качестве примера возможного выбора между такими институтами можно привести альтернативные механизмы проведения административной реформы, последовательно применявшиеся в российской практике 2000-х гг.:

- создание правительственной комиссии для изменения структуры и функционала органов власти;
- конкурсное финансовое стимулирование органов власти к самостоятельным изменениям;
- интеграция и использование потенциала научно-экспертного сообщества;
- создание независимых институтов развития;
- внедрение проектного управления в деятельность правительственных органов;
- организация квазиконкурентных площадок.

Указанные институциональные варианты стратегического планирования обладают специфическими преимуществами и недостатками и в данном конкретном примере претворяются в жизнь скорее путем естественного отбора. Однако в принципе такой выбор допускает применение элементов ОРВ, в том числе в части сопоставления краткосрочных и долгосрочных издержек и выгод с целью своевременного реформирования или упразднения изживших себя конструкций.

Следует рассмотреть и обратную ситуацию – *встраивание элементов стратегического планирования в ОРВ*. Если в рамках классической модели ОРВ цель введения нового регулирования непосредственно вытекает из обоснования проблемы, которая в рыночной экономике может быть обусловлена наличием провалов рынка (в смешанной – к тому же провалов государства), то это предполагает реактивный характер регулирования.

Проактивное регулирование имеет стратегические цели, вытекающие не из текущих проблем, а из определенного видения будущего. В данном русле, ОРВ должна содержать компонент оценки стратегической целесообразности, т.е. соответствия регулирования поставленным стратегическим целям с учетом институциональной среды.

Попытка введения такой оценки была предпринята в Республике Казахстан в рамках разработанного для утверждения в 2011 г. проекта Методических рекомендаций по оценке социально-экономических последствий действия принимаемых законопроектов⁸. Данные рекомендации состоят

⁸ Документ был разработан для утверждения приказом Министра экономического развития и торговли Республики Казахстан и временно размещен на сайте соответствующего министерства. В настоящее

из двух частей: рекомендации по заполнению паспорта по оценке социально-экономических последствий действия принимаемых законопроектов Республики Казахстан (часть 1) и правила и процедуры логико-структурного подхода и рекомендации по его практическому применению в процессе оценки социально-экономических последствий действия принимаемых законопроектов Республики Казахстан (часть 2) – и содержат несколько элементов стратегического планирования.

Так, «прогнозирование», «прогноз», «планирование» выступают среди прочих в качестве основных понятий данного документа.

Что более важно, указанный паспорт по оценке содержит в числе прочих следующие разделы:

- Раздел 2. «Соответствие законопроекта стратегическим целям государства». В нем необходимо описать соответствие последствий исследуемого законопроекта стратегическим целям государства, а именно таким документам, как стратегические планы развития Республики Казахстан до 2030 и 2020 гг., послание Главы государства народу Казахстана и стратегический план уполномоченного органа.
- Раздел 3 «Социально-экономические последствия» представляет собой таблицу (логическую рамку), в которую вносятся результаты проведенной оценки социально-экономических последствий законопроекта на основе логико-структурного анализа разрабатываемого законопроекта. В данной таблице разработчик законопроекта показывает, какие цели и задачи будут достигнуты в результате принятия и реализации законопроекта; каким образом это будет осуществлено; какие результаты будут достигнуты и как они будут измерены, какие могут возникнуть риски и дополнительные условия (допущения) для реализации законопроекта.

Правила и процедуры логико-структурного подхода в качестве своего 2-го этапа содержат планирование, включающее разработку 4-уровневой целевой иерархии (стратегические цели – задачи – результаты – действия) с описанием, социально-экономическими показателями и источниками их проверки. На 3-м этапе производится оценка рисков и внешних факторов, в рамках которого предполагается анализ определенного перечня допущений. В качестве типовых категорий таких допущений предусмотрены рыночные условия и цены; макроэкономическая и политическая ситуация; ситуация внутри отрасли (сектора); состояние окружающей среды; потенциал частного сектора; потенциал государственного сектора; общественная и неправительственная поддержка; софинансирование; и т.д.

Возможной причиной того, что данный документ не нашел полноценного институционального развития, является его сложность в применении. Однако теоретически данный фактор мог бы быть существенно ослаблен за счет ограничения сферы применения и фокусировки методики на наиболее стратегически важных документах, а также за счет повышения квалификации ответствующих исполнителей и автоматизации аналитического процесса.

время данный материал снят с указанного сайта, однако с ним можно ознакомиться по следующей ссылке: <http://gymnazya.ru/stati/metodicheskie-rekomendacii-po-ocenke-socialeno-ekonomicheskikh/main.html>

Следует отметить, что в нынешней российской процедуре ОРВ содержатся отдельные предпосылки для внедрения элементов стратегического планирования. Речь идет о содержании в структуре сводного отчета об ОРВ раздела об индикативных показателях, программах мониторинга и иных способах (методах) оценки достижения заявленных целей регулирования. Однако необходимо включение в систему оценки стратегических целей, без которой ОРВ будет представлять собой цикл, состоящий из обоснования проблемы, поиска решения с помощью ОРВ и последующей ОФВ как источника информации для обоснования проблемы на очередном этапе. Стратегическая цель может придать данному процессу желательную направленность.

Кроме этого, структура сводного отчета об ОРВ содержит описание соответствия целей предлагаемого регулирования принципам правового регулирования, программным документам Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Предлагается распространить данное положение на документы стратегического планирования, приведя его в соответствие с формулировками Федерального закона N 172-ФЗ «О стратегическом планировании». Соответствующий анализ должен быть включен и в структуру сводного отчета об ОФВ, в текущей редакции которого он отсутствует вовсе. Это позволило бы создать правовое основание оценки соответствия как проектов актов (в рамках ОРВ), так и действующих актов (в рамках ОФВ) стратегическим документам. С экономической точки зрения это позволило бы внести в выбор между альтернативными режимами регулирования стратегический критерий. Например, что важнее: безопасность потребителя или стандартные издержки субъектов предпринимательства?⁹

Представляется, что *проблема избыточного нормотворчества* является следствием его организации в форме рынка, на котором регулирование играет роль товара, а ОРВ – частичной сертификации.

Фактически, Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. N 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» установлено, что правила проведения ОРВ, утвержденные Постановлением N 1318, не применяются в отношении проектов актов, подготавливаемых в рамках реализации приоритетных проектов (программ).

Демократическая форма правления современного российского государства накладывает определенные ограничения на выбор структуры управления процессом нормотворчества, определяя его комплексный характер, предполагающий существование разнообразия типов структур управления. Если сегодняшний институт ОРВ предназначен в основном для «нормотворческого рынка», то для альтернативных нормотворческих структур нужны, видимо, иные практические механизмы институционального про-

⁹ «По мнению же организаторов исследования, нужно не столько сокращать издержки бизнеса, сколько обеспечивать защиту граждан от последствий нарушений – эти идеи они рассчитывают увидеть в Стратегии-2035, которую готовит ЦСР» (https://www.kommersant.ru/doc/3270231?utm_source=kommersant&utm_medium=economic&utm_campaign=four).

ектирования. То есть нужна версия института ОРВ, адаптированная к проектному (или даже шире – стратегическому) подходу в нормотворчестве. Их сравнительная эффективность, а также коррупциогенность¹⁰ представляет определенный научный интерес.

Независимое применение процедур ОРВ и стратегического планирования не исключает возможности взаимного обогащения данных инструментов на инструментальном уровне. В рамках стратегического планирования могут применяться механизмы публичного обсуждения, организованные в рамках ОРВ с помощью портала regulation.gov.ru. При этом проекты регулирования, представляющие собой пакеты законопроектов с приложением соответствующих подзаконных актов, также могут подлежать публичному обсуждению и определенной оценке, близкой к ОРВ, если не с процедурной, то с методической стороны, будучи объединенными единой проблемой.

В заключение Н.В. Смирнов подчеркнул, что для ОРВ могут быть заимствованы принципы проектной работы, характерные для стратегического планирования.

Ефремов Алексей Александрович (кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Воронежского госуниверситета) представил доклад на тему: «ВНЕДРЕНИЕ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ».

Институты ОРВ и ОФВ в России сегодня охватывают главным образом нормотворческий процесс в органах исполнительной власти.

При этом Правительством РФ в 2011–2016 гг. было внесено *только* 18,6% от общего числа законопроектов, внесенных в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 6-го созыва. Несмотря на положение Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601, предусматривающего проведение ОРВ законопроектов ко 2-му чтению, в настоящее время в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 N 1318 ОРВ проводится только в отношении поправок Правительства РФ к собственным же законопроектам.

Зарубежный опыт внедрения ОРВ в деятельность законодательных органов (с 1999 г. в Федеральном собрании Швейцарии, с 2009 г. в Национальном собрании Франции, с 2011 г. в комитетах Риксдага Швеции, с 2012 г. в Европарламенте) свидетельствует о возможности и эффективности использования ОРВ и ОФВ в законодательном процессе.

Рассмотрим опыт США. Законодательную власть в штатах осуществляют легислатуры штатов, организация и функционирование которых отли-

¹⁰ Анализ коррупциогенности нормотворческого процесса (ex ante коррупция) является предметом институционального анализа коррупции на основе законодательства (Смирнов Н.В. Институциональный анализ коррупции на основе законодательства // Международная научная конференция «Ломоносовские чтения – 2016», «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова): Сборник статей / Под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко, место издания: М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, тезисы, с. 258–265) (<http://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=33577&p=attachment>).

чаются не только от федерального Конгресса США, но и друг от друга. Подавляющее большинство legislatures штатов имеют двухпалатную структуру, за исключением штата Небраска с 1934 г.

Большое значение в деятельности legislatures имеет комитетская система. В большинстве штатов эта система включает постоянные комитеты каждой из палат, объединенные и специальные комитеты.

Оценка эффективности законодательства в подавляющем большинстве штатов, как правило, осуществляется объединенными комитетами, причем двухпартийными.

Законодательная оценка программ (*Legislative program evaluation*) достаточно широко распространена в legislatures штатов. Методологической основой во многих из них являются Руководящие принципы для специалистов Американской ассоциации оценивания (*Guiding Principles for Evaluators*).

Практически во всех штатах (за исключением Вермонта) соответствующие комитеты осуществляют подготовку заключений о финансовом эффекте принимаемых законопроектов на доходы, расходы и обязательства исполнительной власти штатов (*fiscal notes*).

Австралийские штаты имеют двухпалатные (за исключением Квинсленда) парламенты, а две территории – Северная и Столичная – Законодательные ассамблеи. В парламентах и законодательных ассамблеях, так же как и в США, развита комитетская система.

В Парламенте Нового Южного Уэльса с 2003 г. существует объединенный комитет по обзору законодательства (*Legislation Review*), в функции которого входит оценка влияния регулирования не только на личные права и свободы граждан, но и на бизнес-сообщество.

В Законодательной ассамблее Австралийской столичной территории исследование эффективности законодательства (*Scrutiny*) осуществляет постоянный комитет по правосудию и безопасности. Комитет по исследованию актов и регулирования действует также в Парламенте штата Виктория.

В Парламенте штата Тасмания существует постоянный комитет по подзаконному регулированию (*Subordinate Legislation*), который оценивает воздействие регулирования в штате. Аналогичные функции выполняет одноименный комитет Законодательной ассамблеи Северной территории.

В России уровень нормативной институционализации ОРВ в регламентах законодательных органов субъектов РФ является низким (см. табл.) во многом, на мой взгляд, из-за того, что (1) законодательные органы фактически политически зависят от исполнительной власти при формальном разделении властей; (2) большинство законодательных инициатив на региональном уровне идет от органов исполнительной власти; (3) ресурсная база недостаточна для проведения ОРВ; (4) «скопировать» положение об ОРВ проще, чем системно институционализировать его в регламенте (хотя антикоррупционная экспертиза институционализирована в порядка 50 регламентах законодательных органов); (5) степень активности адресатов регулирования является низкой.

Перспектива совершенствования ОРВ в законодательных органах субъектов РФ видится в нормативной институционализации ОРВ в регламентах законодательных органов; повышении информационной прозрачности (создании отдельных страниц сайтов законодательных органов или переадресации на единые порталы); введении отдельных критериев по ОРВ в законодательных органах субъектов РФ в рейтинге Минэкономразвития.

Таблица

Нормативная институционализация ОРВ в регламентах законодательных органов субъектов РФ

Субъект РФ	Подробная регламентация ОРВ в Регламенте	Отдельное Положение об ОРВ	Отдельные нормы об ОРВ в Регламенте
Амурская область	-	-	+ (2015)
Белгородская область	-	-	+ (2015)
Владимирская область		+ (декабрь 2016)	+ (декабрь 2016)
Волгоградская область	-	-	+ (2015)
Вологодская область	-	-	+ (2015)
Калужская область	+ (июнь 2016)	-	-
Кемеровская область	-	+ (2015)	-
Кировская область	-	+ (2013)	+
Костромская область	-	-	+ (февраль 2017)
Курская область	-	+ (2015)	-
Ленинградская область	-	-	+ (2015)
Республика Карелия	-	-	+ (2014)
Новосибирская область	-	-	+ (март 2017)
Омская область	-	-	+ (февраль 2016)
Ростовская область	-	-	+ (2013)
Самарская область	-	+ (2014)	-
Санкт-Петербург	-	+ (2015)	-
Тверская область	-	+ (2014)	+ (2015)
Томская область	-	-	+ (2015)
Тюменская область	-	+ (2015)	-
Ульяновская область	-	-	+ (2013)
Челябинская область	+ (2015)	+ (2013)	-

Доклад «О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВНЕДРЕНИЯ МСП-ТЕСТА В ПРОЦЕДУРЫ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО И ФАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РОССИИ» подготовили **Шестоперов Олег Михайлович** (кандидат экономических наук, АНО «Информационно-консультационный центр «Бизнес-Тезаурус», Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства (НИСИПП), и **Рукавишникова Татьяна Леонидовна** (эксперт НИСИПП).

История показывает, что, как бы умно ни регулировалось ведение предпринимательской деятельности, диспропорции в регуляторной нагрузке между предприятиями разного размера все равно возникают. Они характерны даже для самых развитых экономик. Результаты относительно свежего исследования из практики США показывают, что ежегодные издержки на федеральное регулирование в расчете на одного сотрудника для предприятий, на которых занято от 100 человек, почти на четверть ниже, чем для совсем небольших предприятий, с численностью занятых меньше 50 человек.

Из таких диспропорций и вытекает основная предпосылка введения МСП-теста: административная нагрузка от вводимого регулирования может накладывать на предприятия малых размеров большее бремя, чем на крупные предприятия. В связи с этим с целью создания равных условий регулирование должно быть сконструировано таким образом, чтобы свести диспропорции к нулю, или должны быть предусмотрены смягчающие меры для предприятий малого размера, если такие диспропорции все же сохраняются. Механизмом, позволяющим на практике реализовать эту цель, и является «МСП-тест».

Названные диспропорции весьма характерны и для нашей страны. Что характерно, диспропорции могут возникать и на различных уровнях управления – федеральном, региональном, местном. Так, например, на федеральном уровне типичными примерами могут служить СанПиНы для общественного питания, лицензирование розничной торговли алкоголем. Среди примеров регионального уровня можно назвать квотирование рабочих мест для инвалидов, отчетность об образовании, утилизации, обезвреживании, размещении отходов; муниципального – требования к летним кафе, размещению вывесок. В одних случаях регулятор увидел различия в нагрузке и постарался отрегулировать диспропорции, например, в отношении квотирования рабочих мест для инвалидов (федеральная норма распространяет квоту только на предприятия от 100 занятых), или с отчетностью по отходам (для малого бизнеса предусмотрен уведомительный порядок). Но в других случаях они так и остались. Так, те же самые СанПиНы для общественного питания практически не учитывают особенностей небольшого бизнеса, несмотря на то что такая форма организации в этой сфере преобладающая.

В прошлом (2016) году Правительство, выполняя поручение Президента РФ, утвердило Стратегию развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. Стратегия базируется на определенных в ней же принципах. Так вот, обращая внимание

на факт существования диспропорций в регулировании малого и крупного бизнеса, первым принципом провозглашен следующий: «Первый принцип – малый бизнес прежде всего». Согласно этому принципу, «при проектировании и реализации государственных решений в сфере регулирования предпринимательской деятельности в первую очередь учитываются интересы малых и средних предприятий. Необходимо создать такую ситуацию, когда принятие решений, ухудшающих финансовое положение и в целом условия деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства и создающих необоснованные преференции в пользу крупных хозяйствующих субъектов, будет невозможно». Реализация первого принципа выразилась в принятии Постановления Правительства РФ от 30.06.2016 N 613. Данным документом в качестве направления проведения оценки регулирующего воздействия (ОРВ) проектов нормативных правовых актов и оценки фактического воздействия (ОФВ) действующих нормативных правовых актов введен анализ влияния социально-экономических последствий реализации проекта акта (действующего акта) на деятельность субъектов МСП. Приказом Минэкономразвития России от 12.12.2016 N 800 в формы сводного отчета об ОРВ и отчета об ОФВ включены новые разделы «Анализ влияния экономических и социальных последствий принятия нормативных правовых актов на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства»; в методики ОРВ и ОФВ включены рекомендации по заполнению указанных разделов. Фактически этими документами в России введен МСП-тест в его классическом варианте.

Надо сказать, что данный «первый принцип» впервые был законодательно закреплён в регуляторной политике в вышедшем в 2008 г. документе Еврокомиссии «Закон о малом предпринимательстве» (“Small Business Act” (COM(2008) 394 final) как принцип «Сначала подумай о малом» (Think Small First). Этим же документом Еврокомиссия рекомендовала государствам-членам проводить оценку влияния нормативно-правовых инициатив на МСП (МСП-тест) и учитывать ее результаты при разработке проектов актов. К 2015 г. 83% стран ЕС внедрили у себя МСП-тест или аналогичный механизм. К сложившимся особенностям МСП-теста в странах ЕС можно отнести следующие:

- чаще всего тест проводится отдельными ведомствами–разработчиками актов;
- тест стандартизирован для всех ведомств;
- тест проводится как правило или всегда;
- тест чаще всего обязательно включает консультации с заинтересованными лицами.

С точки зрения содержания МСП-тест не только рассматривает издержки и выгоды от регулирования, в большинстве стран ЕС их анализ – «обязательная программа». Кроме них ряд стран рассматривают влияние на конкуренцию, барьеры доступа на рынок, доступ к финансированию, социальные аспекты, экологические аспекты, влияние на инновационную активность. Среди используемых смягчающих мер выделяются полные или частичные исключения для МСП. Есть временные исключения, более

длительный период адаптации. Применяются снижение налогов, прямая финансовая помощь (например, субсидии), снижение оплаты (пошлин) для МСП, упрощение отчетности для МСП. К смягчающим мерам относят и информационные компании. Видимо, соответствующие разъяснения помогают МСП быстрее и менее болезненно переходить на новые правила регулирования.

Каков тест будет у нас? Так как тест вписан в ОРВ как одно из направлений оценки, то все особенности оценки становятся характерны и для него:

- за проведение ответственны отдельные ведомства;
- полностью стандартизирован и проводится одинаково во всех ведомствах (есть утвержденная форма раздела сводного отчета, а также методика его заполнения);
- включает консультации с заинтересованными лицами в рамках общих публичных консультаций, обязательные консультации проводятся через портал regulation.gov.ru, другие формы обмена мнениями опциональны;
- контроль качества МСП-теста при ОРВ проводится уполномоченным ведомством (Минэкономразвития России), независимые стороны не участвуют.

Важно отметить, что на текущем этапе тест распространяется только на проекты актов с высокой степенью регулирующего воздействия. Это примерно 100–150 проектов актов в год, или 10–15% от всех проектов актов, проходящих ОРВ ежегодно.

С точки зрения содержания МСП-тест у нас будет касаться только издержек и выгод бизнеса от оцениваемого регулирования. Влияние на конкуренцию, доступ на рынок, социальные аспекты и т.д., о чем мы говорили выше, остаются пока за скобками. Сейчас он, можно сказать, введен в пилотном режиме.

Что может повлиять на успех этого нововведения в российской практике, каковы риски? Выделю некоторые из них.

Первый риск – это уровень качества проведения оценки федеральными ведомствами. Большинство их отчетов об ОРВ не содержат расчетов вообще. Так, недавно введенный в ОРВ принцип «один за один» также связан с расчетами издержек предпринимателей. Однако, проверив отчеты работников проектов актов, мы пришли к выводу, что в 95,2% случаев соответствующие разделы не содержат не только расчеты, но даже информацию о применении этого принципа. Между тем ядром МСП-теста является оценка издержек и выгод. Вряд ли при текущем качестве исполнения расчетов в основной части отчетов об ОРВ следует ожидать, что «добавка» в виде МСП-теста будет оцифрована.

Примеров диспропорций в нагрузке между крупными и малыми предприятиями множество, они встречаются на всех уровнях регулирования. Пока же тест введен только на федеральном уровне и ограничен кругом проектов актов с высокой степенью воздействия (100–150 проектов в год). Между тем дисбалансы в издержках в первую очередь наблюдаются в уже действующем законодательстве. Большинство проектов актов, имеющих

дисбалансы, на тест не будут попадать вообще, поскольку они относятся к изменениям существующего акта и приходится, соответственно, на среднюю или низкую степень воздействия. Типичным примером могут служить уже упомянутые СанПиНы. И получается, что МСП-тест направлен на узкую группу проектов, необязательно несущих значительные издержки для МСП, в то время как дисбалансы в остальных сферах будут сохраняться, а то и увеличиваться.

Второй риск – назовем его «риск ожиданий». МСП-тест, как бы ни был хорош, не является механизмом сокращения диспропорции вообще. Будучи нацеленным на вводимое регулирование, он предназначен главным образом для стабилизации диспропорций в общей нагрузке.

В соответствии с принципами МСП-теста регулирование должно быть построено таким образом, чтобы свести к нулю диспропорции в нагрузке. Если же диспропорции сохраняются, должны быть предусмотрены смягчающие (компенсационные) меры для малых предприятий. Но даже в случае, если расчет состоится, следующий шаг – снижение диспропорций – затруднен из-за отсутствия утвержденного перечня типовых смягчающих мер и рекомендаций по их применению. Надо сказать, что в России есть определенный опыт введения компенсирующих мер, однако он несистемный. На наш взгляд, в Стратегии МСП до 2030 г. следует обозначить список возможных к применению компенсационных мер, принципы и правила их применения.

После введения правила «один за один» не вышло руководств, содержащих конкретные примеры проведения такого анализа. Сегодня мы не имеем ни одного примера сделанного разработчиками проектов актов обоснования исключения действующих актов или их положений взамен предлагаемого к принятию. Аналогичную судьбу может ожидать и МСП-тест. Представляется, что уполномоченному органу в лице Минэкономразвития России следовало бы если не выпустить руководство по применению МСП-теста, то создать несколько удовлетворительных иллюстративных примеров для ориентира.

Но названные выше риски, можно сказать, вторичны. Есть еще один – третий – и, по нашему мнению, самый главный. Это некоторая «необязательность» теста и равнозначность с остальными вопросами оценки. Уполномоченный орган (Минэкономразвития) при подготовке заключения может обращать внимание на разные аспекты и проекта акта, и отчета об ОРВ, в зависимости от ситуации, удобства и трудоемкости поиска аргументов. Предполагая то, как тест будет проводиться самими разработчиками, можно заключить, что основная нагрузка по анализу влияния на МСП ляжет на Минэкономразвития при подготовке заключения. Однако тест связан с проведением расчетов и является, таким образом, более затратным механизмом поиска несовершенств в регулировании, закрепляемым проектом акта. Учитывая ресурсную возможность Минэкономразвития (около 1000 поступающих на заключение проектов актов в год), можно также предположить, что внимание на МСП будет обращать далеко не в первую очередь и МСП-тест за разработчиков будет проводиться не всегда. Поэтому есть

риск, что на практике МСП-тест приобретет характер факультатива и станет «последним среди равных» вопросов оценки.

Для снижения этого риска в российский контекст вполне могла бы вписаться существующая за рубежом практика проведения анализа воздействия проектов актов с использованием МСП-теста, когда, в случае если тест показывает отрицательный результат, такой проект отправляется на доработку без прохождения дальнейшего анализа. Установление обязательной оценки корректности проведения МСП-теста и учета интересов МСП в тексте проекта акта прежде подготовки всего заключения об ОРВ привело бы ситуацию в соответствие с первым принципом, установленным Стратегией, – «Малый бизнес прежде всего».

* * *

С докладом «МОНИТОРИНГ ПРИМЕНЕНИЯ ОРВ И ЭКСПЕРТИЗЫ ПРАВОВЫХ АКТОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ» выступил *Дидикин Антон Борисович* (кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики НГУ, заместитель Председателя Экспертного совета по ОРВ при Минэкономразвития НСО (Новосибирск)).

Федеральный закон N 176-ФЗ от 2 июля 2013 г. (далее – Закон N 176-ФЗ) предусматривает изменения в Федеральный закон N131-ФЗ в части поэтапного внедрения ОРВ проектов правовых актов и экспертизы действующих правовых актов в органах местного самоуправления. Часть 3 ст. 46 Закона N 176-ФЗ регулирует общие положения об ОРВ проектов муниципальных правовых актов. При этом понятие муниципального правового акта понимается достаточно широко, т.е. включает в себя как правовые акты, принятые представительным органом муниципального образования, так и правовые акты главы муниципального образования и местной администрации. Однако в перечень таких муниципальных правовых актов вошли только те документы, которые затрагивают предпринимательскую и инвестиционную деятельность в муниципальном образовании. Это ограничивает предметную область ОРВ сферой экономических отношений.

Кроме того, проекты муниципальных правовых актов относятся к процедуре ОРВ лишь в том случае, если они не устанавливают ставки местных налогов и сборов, не регулируют вопросы принятия местного бюджета или не связаны напрямую с исполнением требований федерального и регионального законодательства. Проект муниципального правового акта относится к предметной сфере ОРВ, если устанавливает новые права и обязанности для предпринимателей или новые формы ответственности для них.

Закон N 176-ФЗ содержит нормы о поэтапном введении ОРВ проектов муниципальных правовых актов в различных видах муниципальных образований. С 1 января 2015 г. такие процедуры были введены в городских округах, административных центрах субъектов РФ. Муниципальные районы и городские округа по Закону N 176-ФЗ внедряют ОРВ с 1 января 2016 г.

на основании Перечня муниципалитетов, установленного законом субъекта РФ, где применение ОРВ и экспертизы является обязательным.

В Новосибирской области ОРВ и экспертиза подлежат внедрению во всех муниципальных районах и городских округах. На основании областного закона в мэрии г. Новосибирска был определен уполномоченный орган – Правовой департамент. Порядок проведения ОРВ муниципальных правовых актов был введен в действие с 1 января 2015 г. на основании решения Совета депутатов г. Новосибирска N 1284 от 24 декабря 2014 г. В 2015 г. при мэрии Новосибирска был сформирован Экспертный совет по ОРВ и экспертизе.

Цели проведения ОРВ в законе определяются в контексте выявления избыточных обязанностей, запретов и ограничений, т.е. административных барьеров для ведения предпринимательской деятельности. В законе заданы ориентиры по установлению предмета ОРВ и определению перечня проектов муниципальных правовых актов, которые подлежат ОРВ на местном уровне.

Поскольку объектом экспертизы являются правовые акты в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности, то специфика ОРВ и экспертизы связана как со сферой их применения, так и с необходимостью в процессе публичных консультаций определения социальных и экономических последствий применения нормативного правового акта в экономике, выявления административных барьеров в ходе публичного обсуждения с предпринимателями, а в перспективе – осуществления мониторинга применения данного нормативного правового акта.

Основным документом, закрепляющим общие принципы проведения оценки регулирующего воздействия и экономической экспертизы в Новосибирской области, является закон Новосибирской области от 24 ноября 2014 г. N 485-ОЗ «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности». В нем указано на особенности применения ОРВ и экспертизы в муниципальных образованиях с учетом требований федерального законодательства.

На основании данного областного закона в мэрии г. Новосибирска был определен уполномоченный орган – Департамент правовой и кадровой работы. Порядок проведения ОРВ муниципальных правовых актов был введен в действие с 1 января 2015 г. на основании решения Совета депутатов города Новосибирска N 1284 от 24 декабря 2014 г. В 2015 г. при мэрии Новосибирска был сформирован Экспертный совет по ОРВ и экспертизе. Были выработаны критерии для создания перечня муниципальных образований, где ОРВ и экспертиза будут проводиться в обязательном порядке.

Опыт применения ОРВ и экспертизы на уровне региона существенно влияет на внедрение в муниципалитетах децентрализованной модели,

а в отдельных случаях – смешанной модели с целью вовлечения в процесс публичных консультаций совещательных органов (экспертных советов по образцу Экспертного совета по ОРВ и экспертизе мэрии города Новосибирска)¹¹.

Несмотря на узкий круг вопросов, определяющих предметную сферу ОРВ и экспертизы на местном уровне, многие вопросы в практике применения ОРВ и экспертизы мэрией Новосибирска в 2015 г. волновали общественное мнение и предпринимателей и стали предметом экспертизы. Это были вопросы о субсидировании из местного бюджета инвестиционной и инновационной деятельности; обновлении местных правовых актов о правилах землепользования и застройки; осуществлении различных видов муниципального контроля и др.

В 2016 г. также был утвержден приказ регионального Минэкономразвития о внедрении в муниципалитетах Новосибирской области Муниципального инвестиционного стандарта на основе разработок АСИ, включающего в том числе анализ качества осуществления ОРВ и экспертизы органами местного самоуправления.

В региональный Закон введены два экономических критерия, которым в настоящий момент соответствуют все муниципальные районы и городские округа региона:

- коэффициент уровня деловой активности не менее 100 (количество организаций и предпринимателей на 10 тыс. жителей муниципального образования);
- годовой объем инвестиций в основной капитал в муниципальном образовании на 10 тыс. жителей не менее 10 млн руб.

Так, численность жителей городских округов Новосибирской области на 1 января 2016 г. составляет 102 808 (г. Бердск), 57 416 (г. Искитим), 28 913 (г. Обь) и 15 531 (р.п. Кольцово). Количество зарегистрированных организаций на 2016 г. в городских округах Новосибирской области составляет следующие значения: г. Бердск – 2860, г. Искитим – 1204, г. Обь – 582, р.п. Кольцово – 601; количество индивидуальных предпринимателей на 2016 г. составляет в г. Бердске 3179, г. Искитиме – 1510, г. Оби – 554, р.п. Кольцово – 435. Таким образом, коэффициент в виде количества организаций и предпринимателей на 10 тыс. населения составляет в г. Бердске 587,41, в г. Искитиме – 472,69, в г. Оби – 392,90, в р.п. Кольцово – 667,05. Отсюда следует, что все городские округа соответствуют показателю 100 для обязательного внедрения в муниципальном образовании ОРВ и экспертизы.

По второму критерию из статистической информации следует, что за 2015 г. инвестиции в основной капитал составили в г. Бердске 1026, в г. Искитиме – 474,6, в г. Оби – 886,5, в р.п. Кольцово – 1251,1. Тем самым годовой объем инвестиций на 10 тыс. жителей с учетом указанной выше численности населения на 1 января 2016 г. составит в г. Бердске 99,8 млн руб., в г. Искитиме – 82,66 млн руб., в г. Оби – 306,6 млн руб., в р.п. Кольцово – 805,55 млн руб.

¹¹ Оценка регулирующего воздействия и экспертиза // Правовой портал мэрии города Новосибирска. URL: <http://www.pravo-novosibirsk.ru>

Анализ официальных сайтов местных администраций, а также информации, размещенной на региональном портале «Электронная демократия», к которому имеют доступ муниципалитеты¹², на протяжении 2016 г. и первого квартала 2017 г. показал, что в целом муниципальные образования осуществляют внедрение ОРВ и экспертизы на основе разных подходов и с различной степенью эффективности. При этом большая часть публичных консультаций осуществляется в рамках экспертизы, а не ОРВ. То есть уполномоченные органы берут за основу действующие муниципальные правовые акты, оказывающие влияние на бизнес с учетом предметной сферы ОРВ и экспертизы. Так, заключения об экспертизе размещены органами местного самоуправления трех городских округов (Обь, Бердск, Кольцово) и пятнадцати муниципальных районов, в то время как заключений об ОРВ размещено меньше – органами местного самоуправления двух городских округов и семи муниципальных районов. Общее число подготовленных заключений об экспертизе к концу 2016 г. составило 38, а заключений об ОРВ – 30. Систематически и регулярно публичные консультации проводились в рамках экспертизы действующих муниципальных правовых актов в одном городском округе и семи муниципальных районах, а в сфере ОРВ – только в Искитимском районе.

Институциональное закрепление ОРВ и экспертизы в муниципальных образованиях Новосибирской области также осуществлялось различно, в значительной степени основываясь на элементах смешанной модели регионального уровня. Так, специализированные разделы об ОРВ и экспертизе на официальных сайтах местных администраций были созданы в 34 муниципалитетах (из них 19 муниципалитетов пользуются региональным порталом «Электронная демократия» для размещения документации); соглашения о взаимодействии местных администраций с предпринимательскими сообществами заключены в 27 муниципальных образованиях; коллегиальные органы по ОРВ созданы в двух муниципальных образованиях. По итогам первого квартала 2017 г. в большинстве муниципальных образований утверждены планы экспертизы на календарный год. При поступлении инициативных предложений от предпринимательского сообщества (например, г. Искитим) уполномоченные органы учитывали эти предложения при подготовке плана экспертизы. По аналогии с регулярно обновляемым на региональном уровне системным мониторингом учета предложений в рамках ОРВ и экспертизы, а также изменений в нормативных правовых актах был организован мониторинг деятельности органов местного самоуправления в сфере ОРВ и экспертизы. Региональный Минэкономразвития разработал форму опросного листа, в который были включены следующие вопросы:

- наличие раздела ОРВ в сети Интернет;
- наличие интеграции сайтов с ГИС «Электронная демократия Новосибирской области» (вкладка «ОРВ»);

¹² Электронная демократия Новосибирской области. URL: <http://www.dem.nso.ru> (раздел «Бизнес-оценка НПА»).

- наличие порядка проведения ОРВ проектов муниципальных правовых актов, приведенного в соответствие с Законом НСО от 24.11.2014;
- наличие порядка проведения экспертизы муниципальных правовых актов, приведенного в соответствие с Законом НСО от 24.11.2014;
- наличие утвержденных форм документов, необходимых для проведения ОРВ и экспертизы;
- наличие нормативно закрепленной процедуры урегулирования разногласий с разработчиками, возникших по результатам проведения ОРВ и экспертизы;
- наличие плана проведения экспертизы муниципальных правовых актов;
- наличие и наименование коллегиального (совещательного) органа, который рассматривает в том числе вопросы по ОРВ;
- наличие соглашения о взаимодействии при проведении ОРВ и экспертизы с предпринимательским сообществом;
- количество положительных заключений по ОРВ за I квартал 2017 г.;
- количество отрицательных заключений по ОРВ за I квартал 2017 г.;
- количество положительных заключений по экспертизе за I квартал 2017 г.;
- количество отрицательных заключений по экспертизе за I квартал 2017 г.;
- количество предложений в отрицательных заключениях об ОРВ (за I квартал 2017 г.) по устранению положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности;
- количество предложений в отрицательных заключениях об экспертизе (за I квартал 2017 г.) по устранению положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности;
- общее количество участников публичных консультаций по ОРВ;
- общее количество участников публичных консультаций по экспертизе.

Помимо сбора указанной информации для представителей органов местного самоуправления муниципальных образований Новосибирской области в 2017 г. запланированы обучающие мероприятия и обсуждение формирующейся практики муниципального ОРВ и экспертизы на заседаниях Экспертного совета по ОРВ при Минэкономразвития Новосибирской области.

Citation: Problemy otsenki reguliruyushchego vozdeistviya (po materialam XVIII Aprel'skoi mezhdunarodnoi konferentsii, NIU VShE) [Problems of regulatory impact assessment (on the materials of the XVIII April International Conference, HSE)]. *Public Administration Issue*, no 2, pp. 131–150 (in Russian).